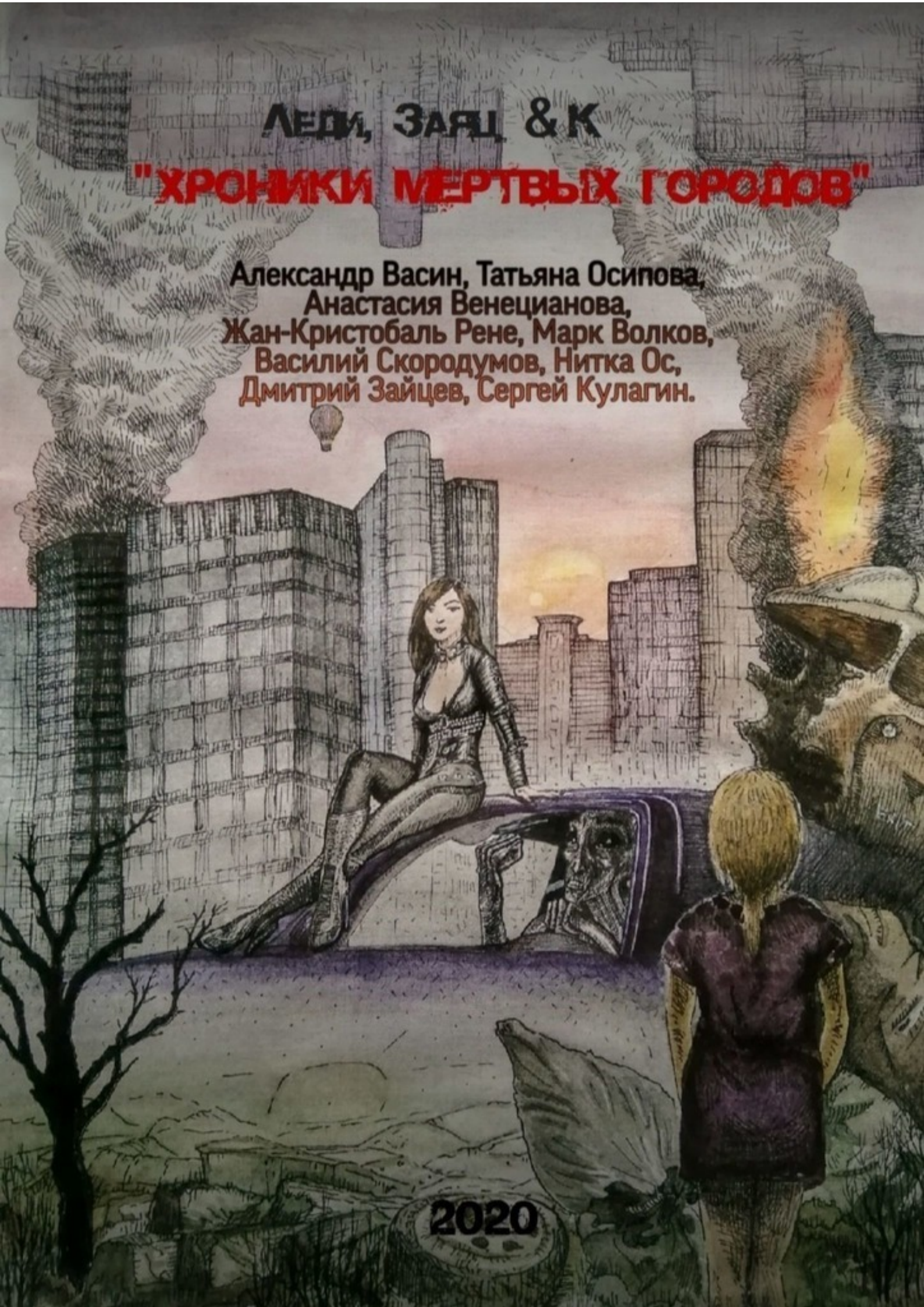

ЛЕДИ, ЗАЯЦ & К

"ХРОНИКИ МЕРТВЫХ ГОРОДОВ"

**Александр Васин, Татьяна Осипова,
Анастасия Венецианова,
Жан-Кристобаль Рене, Марк Волков,
Василий Скородумов, Нитка Ос,
Дмитрий Зайцев, Сергей Кулагин.**

2020

Сергей Кулагин

«Хроники мертвых городов»

«Издательские решения»

Кулагин С. М.

«Хроники мертвых городов» / С. М. Кулагин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510100-6

В сборник вошли рассказы-призёры конкурса «ХРОНИКИ МЁРТВЫХ ГОРОДОВ» — организатор сообщество ВКонтакте «Леди, Заяц & К» Конкурс проводился в три этапа: реалистический рассказ, фантастический рассказ и сказка. Для каждого этапа предлагалась иллюстрация, содержание которой, по замыслу организаторов, должно было органично вписаться в повествование. В сборнике «чёртова дюжина» сказочных реалистично-фантастических историй. Думаю, описывать их нет смысла. Лучше читать и наслаждаться фантазией авторов.

ISBN 978-5-00-510100-6

© Кулагин С. М.
© Издательские решения

Содержание

«ХРОНИКИ МЁРТВЫХ ГОРОДОВ»	7
ОТ СОСТАВИТЕЛЯ	8
Александр Васин	9
ЛУЧШЕЕ МЕСТО НА ЗЕМЛЕ	10
Татьяна Осипова	16
У СМЕРТИ ПОД КРЫЛОМ	17
Анастасия Венецианова	30
ПАРАЛЛЕЛЬ	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

«Хроники мертвых городов»

Авторы: Кулагин Сергей Михайлович, Васин Александр, Осипова Татьяна, Венецианова Анастасия, Рене Жан-Кристоваль, Волков Марк, Ос Нитка, Скородумов Василий, Зайцев Дмитрий

Редактор Виталина Дзярик
Корректор Сергей Михайлович Кулагин
Корректор Галина Заплата
Дизайнер обложки Юлия Ростовцева

© Сергей Михайлович Кулагин, 2020
© Александр Васин, 2020
© Татьяна Осипова, 2020
© Анастасия Венецианова, 2020
© Жан-Кристоваль Рене, 2020
© Марк Волков, 2020
© Нитка Ос, 2020
© Василий Скородумов, 2020
© Дмитрий Зайцев, 2020
© Юлия Ростовцева, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-0100-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Авторы: Александр Васин, Татьяна Осипова, Анастасия Венецианова, Жан-Кристоваль Рене, Марк Волков, Василий Скородумов, Нитка Ос, Дмитрий Зайцев, Сергей Кулагин.

Стараниями нашего художника – Юлии Ростовцевой, у сборника «ХРОНИКИ МЁРТВЫХ ГОРОДОВ» появилась обложка.

Юлия Ростовцева

Техника смешанная – акварель, линер и белая гелевая ручка. Антураж немного стилизованный. В таком стиле делались самые первые комиксы. На фотографии художник на фоне ещё одной своей работы – стена в детской комнате.

«ХРОНИКИ МЁРТВЫХ ГОРОДОВ»

Сергей Кулагин

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В сборник вошли рассказы-призёры конкурса «ХРОНИКИ МЁРТВЫХ ГОРОДОВ» – организатор сообщество ВКонтакте «Леди, Заяц & К» (https://vk.com/ledy_zaytc_k).

Конкурс проводился в три этапа: реалистический рассказ, фантастический рассказ и сказка. Для каждого этапа предлагалась иллюстрация, содержание которой, по замыслу организаторов, должно было органично вписаться в повествование.

Оценивали конкурс жюри в составе: писатель Тим Волков, журналист Алексей Сидоров, редактор Виталина Дзярик, композитор Андрей Гучков и художник Юлия Ростовцева. Спасибо им за оценки и комментарии. Услышать от специалистов такого высокого уровня рекомендации – очень ценно.

Отдельное огромное спасибо: Виталине Дзярик – за редактирование работ, корректору Галине Заплатиной, а также и Юлии Ростовцевой – за прекрасную обложку, которую она сделала для сборника.

В сборнике «чёртова дюжина» сказочных реалистично-фантастических историй. Думаю, описывать их нет смысла. Лучше читать и наслаждаться фантазией авторов.

Друзья, спасибо за добрую атмосферу, внимание и доброжелательность во время проведения конкурса.

*Сергей Кулагин,
июнь, 2020 года*

Александр Васин

ЛУЧШЕЕ МЕСТО НА ЗЕМЛЕ

– Дерек, тормози! – закричала Энн. Нервы уже не выдерживали. Четвёртый час они колесили по этому покинутому даже собаками городу и никак не могли из него выбраться. – Посмотри на эту вывеску, я её помню, мы проезжали здесь как минимум дважды.

Дерек резко вдавил педаль тормоза, машину немного крутануло, и она встала прямо посреди перекрёстка. Он откинулся на водительское кресло и убрал потные руки с руля. Пот заливал глаза, обильно затекал во все складки тела. Но снять опостылевший костюм инопланетянина Дерек так и не решился. Тревожный маячок, расположенный где-то в районе мозжечка, не переставал мигать и предупреждать об опасности.

Слухи про мёртвый город ходили разные. После закрытия гиганта-автоконцерта тридцать лет назад понадобилось всего полгода, чтобы большая часть населения, собрав вещи, переехала в другие штаты. Ещё какое-то время здесь работали магазины, городская больница, и даже вывозился мусор. Но через год бывший мегаполис превратился в город-призрак. Это место осталось городом: например, до сих пор в автономном режиме работала ТЭЦ, дающая электричество фонарям, вывескам и светофорам. Дерек не удивился бы, узнав, что в зданиях по-прежнему тепло и уютно. Но в то же время город стал настоящим призраком – ни людей, ни животных. За три часа катания они не увидели даже крыс, завсегдатаев подобных мест.

Вот только голоса... Ему постоянно слышались голоса: живые, человеческие, понятные. Мать отчитывает нерадивого сына, задержавшегося после школы со старшеклассниками с дурной репутацией; старушка дрожащим голосом просит полисмена помочь перейти на другую сторону улицы; зычный рекламщик предлагает зайти в недавно открывшийся супермаркет и получить максимум от сногшибательных скидок... Голоса были повсюду, и с наступлением ночи становились всё отчётливее и реалистичнее. Дерек не решался спросить у Энн, слышит ли она эти разговоры. Во-первых, девушка и так была на взводе, а во-вторых, он боялся услышать неправильный ответ и понять, что сходит с ума.

– Я больше так не могу! – Энн открыла дверь и вышла наружу. – Ты как хочешь, а я намерена избавиться от этого чёртова костюма. Мне осточертело выглядеть словно амазонка из «Города грехов». Я простая учительница старших классов. И все эти надутые выпуклости и прямые носы мне претят.

– Стой! – протестующе закричал Дерек. – Не смей. Посмотри вокруг: электричество работает, значит и уличные камеры могут быть активированы. После всего, что мы вынесли за последние сутки, ты хочешь попасться вот так просто?

Энн вскочила на капот автомобиля. Резко крутнулась на высоком каблуке вокруг собственной оси, не удержалась и приземлилась на крышу.

– Да о чём ты говоришь? Это ты посмотри вокруг. Этот город давно вымер. Здесь нет никого уже несколько десятилетий. Мы здесь одни.

От отчаяния Дерек постучал кулаком по крыше.

– Энн, остановись! – но девушку уже несло, истерика набирала обороты.

– Знаешь, что здесь осталось? Что я чувствую в затхлом воздухе? Разбитые надежды. Неудавшиеся жизни простых людей, ехавших сюда делать карьеры, но оставшиеся ни с чем, – Энн с шумом втянула носом воздух. – Запах пороха от револьверных пуль, которые отцы-банкроты пустили себе в лоб, получив уведомления о сокращении. Запах слёз матерей, которые после этого вынуждены в одиночку воспитывать своих детей. Этот город сожрал так много жизней и сделал это так быстро, что средневековой чуме впору обзавидоваться.

Надо что-то предпринять. Дерек судорожно соображал, но что делать дальше, не понимал. Они не спали уже больше суток, почти ничего не ели, а этот мёртвый город кружил их и кружил. Конечно, можно было бы оживить айфон и включить навигатор, но Дерек не делал

этого по той же причине, по которой не торопился избавляться от костюма инопланетянина – боялся быть обнаруженным.

– Наша жизнь – полное дерьмо! – продолжала причитать Энн. – Мы живём с тобой в нормальном цивилизованном мире. Но чем наши судьбы отличаются от судеб миллионов людей, оставивших свои надежды в этом городе? Та же боль, те же страдания, та же безысходность, – она с яростью содрала с себя маску и принялась кусками вырывать силиконовый костюм.

Всё, хватит! Дерек резко распахнул дверь, вскарабкался на капот и вlepил звонкую пощёчину своей спутнице. И через два удара сердца ещё одну – по другой щеке.

Энн задохнулась от возмущения, покраснела, попыталась ударить его в ответ. Дерек отвесил ещё одну пощёчину, но уже несильную, почти нежную. И тут же взял её за плечи и притянул к себе. Девушка сделала вялую попытку вырваться, но быстро сдалась и уткнулась ему в шею. Она заревела в голос. Слезы скатывались по щекам и неприятно щекотали кожу.

Дерек монотонно гладил её по волосам.

– Ну ладно, пора заканчивать, – сказал он через пару минут. – Мы не довели свою миссию до конца. Подумай о Дэнни.

Энн попыталась взять себя в руки. Получилось не с первой попытки, но кое-как девушка собралась.

– Надо расслабиться и немного отдохнуть, – решил за обоих Дерек. – Пойдём со мной. – Он спрыгнул с капота и предложил девушке руку – Энн аккуратно спустилась. Спутники направились в сторону мигающей бирюзовой вывески, ставшей причиной их внезапной остановки.

Как и предполагал Дерек, под вывеской располагался небольшой бар со странным названием «Круги миллениалов». Он дёрнул дверь – не заперто. Сразу за порогом валялся какой-то древний мусор, но в целом в помещении царил порядок. Многолетняя пыль была не в счёт. Странно было бы увидеть в мёртвом городе натёртые до блеска бокалы и тщательно вымытый пол. Лампы под потолком давно перегорели, но диодные полоски на окнах, вдоль барной стойки и на стеклянных полках между бутылками достаточно развеивали сумрак, чтобы ориентироваться в помещении.

– Словно в каком-то неудачном нуаре, – пробормотал Дерек, сняв наконец-то опостылевшую маску. Он с интересом стал разглядывать ассортимент спиртного. Энн заняла один из крутящихся барных стульев и уронила руки на стойку.

Через пять минут Дерек присоединился к ней. В одной руке он держал бутылку вычурной формы, по-видимому, с виски, в другой – два пузатых стакана.

– Стаканы почистил, как мог, – улыбнулся он. – Остальное продезинфицирует спирт.

Дерек плеснул в оба стакана не глядя. Хозяев нет – можно не экономить.

– Давай за Дэнни! – предложил он. Стаканы звонко соприкоснулись.

Энн лишь немного пригубила виски и сразу скривилась – для неё напиток оказался крепковат. А Дерек залпом выпил до дна. Это было приятно. Он налил себе снова. И замешкался, не зная, какой ещё тост будет сейчас уместным. Его выручила Энн.

– Ты знаешь, – сказала она. – Я так и не сказала тебе «спасибо». Ни разу. Я промолчала, когда ты согласился на мою авантюру, не поблагодарила, когда ты разработал весь план. Наверное, сейчас – самое время.

– Принимается, – чокнулся с ней Дерек. – Хотя ты знаешь, что я не мог поступить по-другому. Мы хоть и сводные брат с сестрой, но после смерти родителей ты по сути и была моей семьёй. Как же я мог бросить тебя в такой ситуации? Как я мог бросить Дэнни? Помнишь, как ты пришла ко мне три месяца назад, боясь, что и я, последняя твоя надежда, откажу тебе? Но я ни за что на свете не отпустил бы грабить банк тебя одну.

Энн кивнула. Она помнила каждый кошмарный день за последние полгода. А ведь день, когда всё началось, был ярким и солнечным. Провожая Дэнни в школу и укладывая сэндвичи в его рюкзак, она и помыслить не могла, что через несколько часов её жизнь закончится.

Энн специально отправила Дэнни учиться в другую школу – чтобы не давать коллегам лишний повод для сплетен. Впрочем, оба комплекса находились на соседних улицах, и в случае необходимости она могла дойти до сына за считанные минуты. После того страшного звонка она добежала за пятьдесят четыре секунды...

Энн всегда строго-настрого запрещала своим ученикам пользоваться на уроках смартфонами. Самой себе же она делала послабление – отключала лишь звук. В тот день её подопечные сдавали тест, и в классе царила гробовая тишина. И настойчивое рычание виброзвонка показалось раскатом грома. Или ударами колокола. Колокола, который звонил по её жизни.

Чтобы не мешать ученикам, она вышла в коридор. Звонок не сдавался и продолжал звонить.

– Мисс Джонсон? – раздался в трубке учтивый голос. Она узнала его, это был директор школы Дэнни. – Вам нужно срочно прибыть к нам. Ваш сын упал в обморок, мы были вынуждены вызвать скорую помощь.

Дальше Энн слушать не стала. Дала «отбой» и полетела через дорогу. Через пятьдесят четыре секунды она была во дворе и пыталась справиться с душившим дыханием и слезами. Её Дэнни, её маленький мальчик лежал с закрытыми глазами на каталке.

– Что с ним? – закричала она. – Что с ним случилось? Ответьте мне, я прошу вас! Я требую!

Врачи скорой помощи ответить не смогли. Как не смогли распознать болезнь и доктора в больнице. Анализы и процедуры не давали точного диагноза. Через месяц Дэнни транспортировали в столицу, где собрался целый консилиум. Сыну не становилось хуже, но и в сознание он не приходил. Спустя ещё месяц Дэнни всё же диагностировали редкую генетическую болезнь. Требовалась операция. Срочная. И очень дорогая. Чем дольше её откладывать, тем меньше становилось у Дэнни шансов однажды открыть глаза.

Конечно, у одинокой школьной учительницы таких средств не было. В течение следующего месяца она обошла все общественные организации и фонды, организовывала сборы средств через интернет, просила кредиты в банках и пожертвования у богачей. Нельзя сказать, что все ей отказывали. Но для операции и последующего лечения требовалось больше денег. Намного больше.

Обо всех своих неудачах она рассказывала Дереку. Тот обычно выслушивал её молча, хмурился, но помочь ничем не мог.

Отчаяние всё больше овладевало Энн. Однажды вечером, бесцельно переключая каналы телевизора, она наткнулась на фильм об ограблении банка. Парочка безбашенных молодых людей с дерзостью очищала один сейф за другим. Вот тогда и родилась идея, как спасти Дэнни...

К её удивлению, Дерек не покрутил пальцем у виска, когда она рассказала ему об ограблении. Как и раньше, он нахмурился и попросил зайти через три дня. За это время он превратил её мысль в продуманный план.

Убегать с деньгами через мёртвый город тоже было его идеей.

– Это последнее место, где нас станут искать, – убеждал её брат. – Оставь глупые суеверия, там давно уже никто не живёт. Соответственно, нет лишних глаз, ушей и наручников. Мы всё сделаем быстро, никто ничего и не поймёт. Нам не нужны миллиарды, возьмём, сколько необходимо Дэнни – и свалим. Обратно проедем через мёртвый город. Да – лишний крюк, но зато заметём следы.

Два с лишним месяца ушло на подготовку. Небольшая неувязка вышла с костюмами, но пришлось брать, что есть. Амазонка из «Города грехов» смотрится всё же лучше, чем инопланетянин из древнего фильма Спилберга, думала Энн, вертясь перед зеркалом.

Ограбление банка прошло чётко, как по нотам. Пока два пожилых охранника пытались осознать произошедшее, пока оторопевший кассир судорожно нащупывал тревожную кнопку

под столом, Энн с Дерекком уже выбегали из здания с сумкой, полной наличных. Через пять минут они уже петляли по узким улочкам. Через пять часов они въехали в мёртвый город.

И вот тут их план дал первую трещину.

Она допила свой виски и подтолкнула стакан брату. Тот послушно налил на два пальца.

– Мы заблудились в этом чёртовом городе! – чётко произнесла Энн. – Глупо отрицать очевидное. Нам нужна карта. А для этого...

– Нет! – отрезал Дерек. – Мы не будем включать телефоны. Сигнал, пойманный отсюда, вызовет вопросы. А дальше размотать клубок не составит труда даже стажёру из полицейской академии.

– И что ты предлагаешь?

– Больше не кружить по темноте. Давай заночуем здесь. Мы больше суток на ногах, сейчас усталость сильнее нас. Нужно отдохнуть.

Энн встала с виски в руке и подошла к окну. Напротив, через улицу, мигала вывеска. Присмотревшись, она прочитала лаконичное «HOTEL». Аргументы Дерекка были весомые: она, действительно, очень устала. Да и садиться за руль после виски, откровенно говоря, небезопасно.

– Хорошо, – повернулась она к брату. – Давай отдохнём. Напротив есть отель. Я займу любой приличный номер на четвёртом этаже. Как закончишь с бутылкой, приходи. Найди меня и занимай соседний номер.

– Почему четвёртый этаж? Если придётся убегать, то это не самый лучший выбор.

– Первые два – занимают магазины, на третьем, скорее всего, ресепшн. Так что я буду на четвёртом.

– Хорошо, я скоро приду.

... Через несколько минут Энн стояла перед лифтом. Её слегка пошатывало от выпитого алкоголя. Электричество в городе было, лифт работал. Она поднялась на третий этаж.

– Бинго! – Энн щёлкнула пальцами, увидев ресепшн. Она перегнулась через стойку и сгрэбла все имеющиеся ключи с бирками – чтобы не возвращаться.

Этажом выше располагались номера. Некоторые были без дверей, такие были ей не интересны. Инспекция продлилась недолго. В первом номере было разбито окно, во втором – не работал свет. А вот в третьем всё было в ажуре, даже вода бежала из крана. Правда, только холодная.

Впрочем, принимать душ Энн не собиралась. Она подошла к окну и одёрнула штору. Она не увидела бара напротив и их машины – номер выходил на другую сторону здания.

– Да и чёрт с ним! – раскинув руки, девушка рухнула на двуспальную кровать.

Она закрыла глаза, но сон упрямо не шёл. Мысленно поборовшись сама с собой, Энн достала смартфон. Дерек строго-настрога запретил его включать. Но ей нужно посмотреть на Дэнни. В палате сына была установлена камера, онлайн-трансляция велась в интернете круглосуточно.

– Всего одним глазком, – бормотала Энн, удерживая кнопку включения. – Без этого я не засну. А если я не засну, то не смогу завтра здраво соображать.

Смартфон загружался мучительно долго. Но вот яркая заставка сменилась не менее ярким рабочим столом – фотография Дэнни, здорового и полного сил. Энн задержалась на изображении, любуясь сыном, прежде чем зайти в сеть. В эту паузу выскочило уведомление – «1 новое письмо».

Она зашла в почту. Письмо было из клиники. Сердце застучало быстрее. Энн отогнала мрачные мысли, успокоила дыхание и только потом открыла письмо.

«Уважаемая мисс Джонсон!

Мы не смогли дозвониться до Вас, в последние двое суток Ваш телефон постоянно выключен. Также мы не смогли дозвониться до Вашего брата Дерек. Вы оставляли его номер как резервный на случай, если Вы не сможете ответить.

К сожалению, у нас больше нет контактов. При регистрации Дэнни в нашей клинике Вы оставили адрес электронной почты. Поэтому мне не остаётся ничего другого, как написать Вам сюда.

Вчера Дэнни стало хуже. Это первое изменение с тех пор, как он поступил к нам. Мы срочно сделали анализы, по результатам которых создали совет. Наше общее мнение – Дэнни необходима была срочная операция, дольше тянуть было нельзя.

Вы не оплатили последний взнос за хирургию, но мы взяли на себя ответственность и решили оперировать. Операция длилась более семи часов. И, как нам показалось, прошла успешно. Однако спустя два часа Дэнни снова стало хуже. Сделать ещё одну операцию мы не успели. В процессе подготовки у Дэнни не выдержало сердце.

Поверьте, мисс Джонсон, мы сделали всё от нас зависящее. Примите мои искренние соболезнования! Мы надеемся, что после того, как Вы прочтаете это письмо, Вы незамедлительно свяжетесь с нашей клиникой, чтобы утрясти все формальности! Мы не бросим Вас в этот тяжёлый для Вас момент и обязательно Вам поможем!

*«С уважением,
ведущий хирург
М. Стивенсон-мл.»*

**ПРИМИТЕ... МОИ... СОБОЛЕЗНОВАНИЯ!
У ДЭННИ... НЕ ВЫДЕРЖАЛО... СЕРДЦЕ!**

Энн раз за разом повторяла эти слова, опустошающие её душу. В этих словах заключался её собственный мёртвый город. Они обрывали её жизнь, безжалостно и равнодушно.

Она поймала себя на том, что не дышит. С шумом впусив воздух в лёгкие, она встала с кровати и подошла к окну. Дэнни мёртв. Всё было зря, чёрт побери! Энн осознала, что чувствовали люди, пожираемые этим городом. Вот теперь он поглотил и её сына. Нет смысла идти дальше и ей самой...

Девушка открыла приложение, загрузила камеру. Связь была плохой, так что пришлось подождать. Наконец, картинка появилась. Та же палата, те же приборы. Вот только койка пустая и аккуратно застеленная. Закричав, Энн швырнула телефон на кровать.

Она распахнула окно. На улице пошёл дождь. Энн подставила ладонь, набрала немного воды и умыла рукой лицо. Затем, не раздумывая, встала на низкий подоконник и шагнула наружу. Чёрный латексный костюм амазонки идеально слился с мокрой мостовой.

...Дерек допил бутылку до конца и почувствовал себя пьяным. Но по-другому нельзя, иначе стресс догрызёт его и без того дряхлое сердце. Он снова подошёл к стеллажу с виски, раздумывая, не выпить ли ещё. Поколебавшись, он решил взять бутылку с собой. Дойдём до кровати – там видно будет.

Повернувшись к выходу, он обнаружил раскрытую коробку с сигарами. Порывшись, Дерек обнаружил одну, не рассыпавшуюся в руках.

– Великая вещь – целлофан! – улыбнулся он себе под нос.

Он с удовлетворением втянул запах крепкого табака. Окинул взглядом лежащую на барной стойке маску, но решил оставить инопланетянина на месте. Кому придёт в голову искать её здесь?

На улице шёл дождь. Неприятно, но не смертельно. Перебежав через дорогу, Дерек вошёл в здание. Поднялся на лифте на четвёртый этаж.

– Энн! – позвал он. – Ты где?

Ответа не было. Скорее всего, сестра уже спит. Дерек стал заглядывать во все двери подряд, но Энн нигде не было. Он прошёл полный круг и начал заново. На этот раз его внимание привлёк смартфон, лежащий на кровати. Дерек узнал его: это был аппарат сестры.

В номере было холодно из-за распахнутого настежь окна. Почуввав неладное, Дерек подбежал и высунулся наружу. Не увидев ничего криминального, он закрыл створку. В помещении сразу стало уютнее. Он взял смартфон в руку – от движения загорелся экран.

– Ах, Энн, ну что ж ты делаешь? – покачал головой он. – Я же сто раз говорил: никаких телефонов.

Дерек знал пароль сестры и ввёл его. Тёмный экран сменился страницей электронной почты. Нехорошо читать чужие письма, но любопытство взяло своё.

Он прочитал письмо дважды. Потрясение было слишком сильным.

И тут вернулись заглушенные алкоголем голоса. Их было много больше, чем раньше. Они стонали, кричали, жаловались на свою жизнь. Дерек стиснул ладонями голову и закричал:

– Прочь! Идите прочь! Оставьте меня в покое!

Неожиданно грянула тишина. Не в силах поверить, Дерек разлепил уши, напряжённо вслушиваясь в окружающее пространство. И услышал тихий, но такой родной голос:

– Примите мои искренние соболезнования! В процессе подготовки операции у Дэнни не выдержало сердце. Что нам его извинения, да, мой мальчик? Зато теперь мы с тобой вместе. Здесь, в самом лучшем месте на Земле...

Дерек вытащил из кармана сигару, чиркнул зажигалкой и закурил.

Татьяна Осипова

У СМЕРТИ ПОД КРЫЛОМ

Удушье вползло в кровать, залезло под одежду. Я хотела проснуться и сбросить с себя сковавший тело страх, но не смогла. Силы оставили меня, как и надежда, на их место пришла апатия. Смерд стелился между стенами, впитывался в них, рисуя кружева на чёрных цветах плесени. Она расцветала на бетонной стене подвала, которая была влажной и липкой.

Голос дочери вернул меня в реальность. Она говорила во сне. Я медленно осознавала, что кошмар не приснился. Теперь это моя жизнь, и к этому невозможно привыкнуть.

Отец Кэрри давно уехал, бросив семью, когда дочке было три года. Я переехала к маме, и мы были счастливы, разделив на троих радость и невзгоды.

Теперь, когда малышка повзрослела и ей исполнилось восемь, она была в том возрасте, когда школа и друзья занимали всё свободное время. Помню, как Кэрри считала дни до начала учебного года.

Мы очень переживали за бабушку. Она странно вела себя, многое забывала, даже по мелочам. Я пыталась с ней общаться, как раньше. Переживала, что между нами рвутся нити, связывающие нас. Верила, что диагноз болезнь Альцгеймера – не приговор.

Моя знакомая доктор Зоуи Мартин предложила пройти обследование в клинике, находящейся в живописном месте Йеллоустоунского заповедника. Идея доктора Мартин была воспринята на ура не только мной, мама с удовольствием согласилась отправиться в небольшое путешествие из Пенсильвании в Вайоминг со мной и Кэрри.

Мы остановились в Шайенне и добираться до клиники решили на скоростном поезде. Кэрри обожала смотреть в окно, где проносился необычный для нас, жителей Нью-Йорка, пейзаж. Болтали о пустяках, с удовольствием уплетая картошку фри и хот-доги, маме нравилась поездка, а я верила, что если доктор назначит правильное лечение, ей смогут помочь.

Рядом с клиникой притаилась небольшая уютная гостиница для родственников, которая оказалась удобной и недорогой. Вокруг важно раскачивались высокие деревья с густыми кронами. Доктор Мартин проводила маму к главному врачу, а мы с Кэрри вышли в парк лечебницы. Ухоженный сквер, с множеством дорожек, цветочных клумб и со вкусом и знанием дела постриженных кустарников радовал глаз.

– Мам, тут так красиво! – восхищалась Кэрри, делая снимки на телефон. Рассматривая поющую малиновку и дрозда, бегая за бабочками, девочка смеялась, и я немного отвлеклась от грустных переживаний по поводу болезни мамы.

Внезапный свист разрезал безмятежную атмосферу, дочка замерла, а потом подбежала ко мне, прижалась, обхватив руками. Я непонимающе смотрела по сторонам. Сердце заколотилось в груди, а в желудке всё сжалось. Предчувствие беды заставило стиснуть руку малышке. В голове стучало: «Это не по-настоящему, этого не может быть».

– Мамочка, что это?

– Не знаю.

– Мне страшно...

– Мне тоже...

По ушам ударил вой сирены, а мы так и стояли в оцепенении, пока не увидели бегущих людей. Пациенты, врачи, гости. Земля под ногами вздрогнула от прогремевшего взрыва. Кэрри завизжала, а я, подхватив её на руки, побежала к зданию клиники. «Мама там! – стучало в голове. – Надо отыскать её!».

Я плохо помню, как мы понеслись к зданию лечебницы. Верила, что смогу найти мать, держа на руках перепуганную и плачущую дочь.

– Мама, – дочка задыхалась от плача, – я хочу домо-о-ой, ма-а-ама!

За спиной раздался свист и новый взрыв, кто-то завопил, запахло гарью. Сизым дымом заволокло парк. Из главного входа в лечебницу хлынула толпа людей, кто-то ударил меня в лицо, и я чуть не упала.

– Мама, у тебя кровь!

Паника, ужас, крики, я еле удержалась на ногах, чтоб не свалиться со ступеней. Из орущей человеческой массы меня выхватила Зоуи и потащила за собой.

– Что происходит?!

– Не знаю, Молли! Бежим!

Еле успеваю за ней, я задыхалась в дыму, пока мы не очутились у лестницы. Сбежав вниз, мы оказались у железной двери, по словам Зоуи, ведущей в бомбоубежище. Новый взрыв заставил пригнуться, Кэрри уже не кричала, а тихо выла и сжимала меня за шею холодными от ужаса руками.

Как позже рассказала Зоуи – здание лечебницы старое, и бомбоубежище оборудовали ещё в шестидесятые годы, когда Соединённые Штаты охватила истерия ядерной войны с русскими.

Высокий мужчина в форме санитара с растрёпанными белобрысыми волосами помогал другим людям спуститься по крутой лестнице, подгонял, посматривая в сторону выхода. По его розовому лицу струился пот, а мы, напуганные и оглушённые канонадой, влетели в тёмное помещение бомбоубежища, слыша, как захлопнулась дверь.

Мрак окутал будто покрывалом, я чувствовала, как сердце Кэрри готово вырваться из груди. Прижала дочку к себе, слыша гул, раздающийся сверху.

– Тут есть генератор, – услышала я мужской голос. – Сейчас будет свет, не бойтесь.

Вспыхнувший фонарик осветил небольшую комнату.

Над нами снова прогремел взрыв, я, зажмурившись, обхватила дочку, опустившись на корточки. Когда загорелся свет, по комнате пронёсся вздох облегчения. Нас восемь человек, все напуганные и благодарящие спасителя в белой униформе. Мы плакали и боялись, что началась война. Не слушая споры, кто способен совершить наглое нападение на Америку, я пыталась успокоить Кэрри. Осмотревшись, увидела, что помимо одного помещения здесь есть кладовка, две комнаты и душевая. Шум голосов походил на гул пчелиного роя.

– Разницы нет, кто начал атаку! – выкрикнула я, пытаюсь заглушить голоса спасшихся людей. – Мы уцелели, и, когда всё уляжется, необходимо связаться с кем-то на поверхности.

– Она говорит дело, – кивнул парень в очках и в джинсовой рубашке. – Если это бомбоубежище, здесь должен быть передатчик для связи.

– Взгляни, – мотнул в сторону стены с полками высокий парень в униформе санитара. – Я бывал тут раньше. Приёмник древний, сомневаюсь, что он работает. Но, если попробовать... Как там тебя?

– Кайл, – ответил молодой человек в очках.

– Я Грэм.

Приёмник не работал. Кайл разобрал его, пытаюсь понять причину поломки. Сетовал, что нет под рукой оборудования, чтобы проверить конденсаторы. Что-то крутил, собрав снова, оповестил нас, что толку от радиопередатчика нет.

Прошло несколько часов, мы всё прислушивались, что происходит за дверью. Грэм запретил выходить на поверхность.

– Там может быть опасно, и лучше некоторое время отсидеться здесь. Припасы и вода есть, и топлива достаточно на несколько месяцев, – санитар мотнул головой в сторону пылящего генератора.

Я заплакала, вспомнив, что мама осталась в лечебнице. Сердце разрывалось от переживаний. Хрупкая надежда, что она жива, цеплялась, словно человек, повисший над пропастью.

Я хваталась за мысли, что, возможно, маме удалось укрыться, и она спаслась. Обняв Кэрри, я поёжилась. Холодно.

Дни тянулись медленно, как будто время замерло и здесь в убежище у него свои законы. В подвале психиатрической лечебницы трое мужчин, четыре женщины и Кэрри – напуганные, усталые, измученные. После нападения мы ни разу не выходили наружу. Хотя Кайл спорил с Грэммом, что опасность может наступить нас и в убежище.

Что происходит в стенах клиники, где умалишённые стали свободными, где безнаказанность и жестокость установили новые законы, неизвестно. В первые дни после атаки я понимала, что за дверью кто-то ходит. Мы подходили к выходу и прислушивались. Грэмм начал показывать недовольство и отгонял нас, поначалу объясняя, что его слушать – в наших интересах.

Зоуи не спорила с ним, но мне не нравился её взгляд. Она смотрела на Грэмма и всякий раз качала головой. Особенно напрягалась Зоуи, когда он пытался завести разговор с симпатичной блондинкой, Линдой.

– Мы все умрём, когда – вопрос времени, – любил повторять Кайл. Он отчаялся одним из первых. Особенно, когда его новая попытка добраться до ключей и открыть дверь жестоко пресеклась Грэммом. Добродушный с первого взгляда санитар несколько раз ударил парня, разбив ему очки и окинув присутствующих звериным взглядом, рявкнул:

– Если ещё один из вас подойдёт к этой проклятой двери, – он вытащил из-за пояса пистолет. Огромный, чёрный, от вида которого у меня всё сжалось внутри, – я продырявлю ему голову. Это ясно?!

Жители подвала расселись на кроватях, а мы с Зоуи и Кэрри ушли в маленькую комнату рядом с душевой.

Спасение не приносило радости, а когда запасы воды и еды начали таять, я поняла, что скоро жажда вырваться из душного подвала станет сильнее желания сохранить жизнь. Кто-нибудь да откроет дверь. Впустит страх и выпустит нас на свободу. Один из нас решится пригласить смерть, чтобы шагнуть в бездну. Если только он бессмертный – я вспомнила о пистолете Грэмма.

Мы не знали, что происходило на поверхности.

– Это война?

– А если это ядерная атака началась?

– Тогда там точно радиация!

У каждого была своя версия, но я старалась не вступать в споры, чтобы не пугать Кэрри. Девочка замкнулась в себе и почти не разговаривала.

Кэрри со мной, но где мама, жива ли она, что с ней?! Эти вопросы не давали покоя. Некоторые из спасшихся в убежище приехали в лечебницу навестить родственников или работали здесь. Двое оказались пациентами клинки. Теперь стало сложно понять, кто из нас более нормален. Женщина без имени, которая всё время молчала, уставившись на стену, или улыбчивый негр Ромми Уотсон, рассказывающий всякие истории перед сном.

Кайл после избиения притих, но говорил, что выберется, и ему плевать, что снаружи.

– Если бы у меня был «Глок», я бы тоже стал смелым, – тихо бросил он в сторону Грэмма.

Линде Грэмм отдавал предпочтение, ей доставалось больше еды. Зоуи рассказала, что девушка всегда сопротивлялась его ухаживаниям, а сейчас у неё не осталось выбора. Теперь он часто запирался с ней во второй комнате, где расположилось Его Логово.

После недельного вынужденного заключения надежда, что нас спасут, угасала.

Линда сидела на кровати в большой комнате и, обняв подушку, раскачивалась из стороны в сторону. Напевала что-то, наматывая грязные волосы на палец.

– Что с ней происходит? Она сходит с ума, – прошептала я, поделившись догадкой с Зоуи Мартин.

– Нет, Молли. Линда раньше работала в столовой. Она не пациент. Вот Ромми Уотсен – наш давний больной. Сейчас взгляни на него, никогда бы не подумала, что у него что-то не так с головой. Рассудителен, последователен. Нормальные люди тронулись умом, а душевнобольные просто не рисуют иллюзий.

Поначалу я пыталась считать время, выцарапывая на стене нателным крестиком палочки-дни. Потом как-то попыталась посчитать их. Плакала от отчаяния, видя, что целых семь суток мы здесь, и помощь не приходит. В тесной комнате спали Зоуи, Ромми и мы с Кэрри. Я не могла выносить мычание бывшей пациентки лечебницы, которую никто не помнил, как звали, нытья или ругани Кайла. Из комнаты Грэмма доносились стоны и крики Линды, я не хотела, чтобы Кэрри слышала это.

Теперь убежище стало клеткой, из которой не выбраться. Через девять дней мы стали делить не только еду, постель, обязанности. Некоторые повинности, выписанные неровным почерком хозяина подвала, были не просто тяжёлыми, они стали унижительными. Тогда молчаливым согласием мы выбрали «вождя», а теперь каждый день приносили себя в жертву его ненасытности. Как может измениться человек, если его вырвать из зоны комфорта и дать в руки власть и оружие. Теперь я понимала отчаяние Кайла и радовалась, что извращённый рассудок Грэмма не добрался до Кэрри. Девочка почти никогда не выходила из комнаты, чтобы не попасться на глаза извергу.

Пожилой афроамериканец Ромми рассказывал Кэрри сказки, она засыпала, слушая бархатный голос рассказчика, и я была очень благодарна старику. Мне жаль было Кайла. Парнишка приехал в лечебницу навестить брата. Когда он понял, что попытки выбраться тщетны, то впал в депрессию, отказывался от еды и всё время молчал, лежал, уставившись в потолок, или начинал плакать. Я опасалась его, уверенная, что он не совсем здоров. «Что делает с каждым из нас страх и замкнутое пространство», – рассуждала я.

Давление Грэмма превращалось для большинства в пытку, я терпела его только из-за Кэрри. Надежда, что кто-то придёт и спасёт нас, стала призрачной. Выбраться наружу невозможно, пока Грэмм, как цепной пёс, охраняет дверь.

Ночью нас разбудил шум. Мы выбежали в большую комнату и услышали, как кто-то пытается открыть вентиляционную решётку.

– А ну, назад! – заорал нам Грэмм. – Не хватало здесь ещё одного нахлебника. – Кто там?! – выкрикнул Грэмм, подскочив к вентиляции. Выставил пистолет перед собой и посветил фонариком в просвет решётки.

– Я сержант спецподразделения. Не бойтесь, у меня нет инфекции, – ответил солдат, – осколком зацепило.

– Ты один?

– Да.

– И о каком заражении ты говоришь?! Там радиация?!

– Дождь, – простонал сержант.

– Что мы будем с ним делать? – озабоченно спросила Зоуи.

– Нахрена он нам сдался! И так жрать нечего! – выкрикнул Кайл.

– Полегче, сынок, – попытался успокоить его старик Ромми, похлопав по плечу.

– Заведи генератор! – крикнул Грэмм и пнул Кайла в бок, парень не двинулся с места.

Тогда хозяин подвала ткнул дулом пистолета ему в плечо, и бедняга подчинился.

Тусклый свет вспыхнул жёлтым пятном. Высокий Грэмм подтянулся, вырывая решётку с потолка, и выругался, отбросив её в сторону. В проёме показалось лицо мужчины, который пытался самостоятельно выбраться из вентиляционной шахты. Ромми и я подскочили, чтобы помочь ему вылезти.

Грэмм, кивая, крикнул, чтобы мы вытащили бойца из шахты и отнесли к себе в комнату.

– Пусть поживёт. Любопытно, что он расскажет нам, – в глазах санитаря появился интерес, он убрал пистолет, а потом, словно спохватившись, резко подскочил к раненому, начал обыскивать его. Оружия у солдата не было.

– Надо помочь ему, – осторожно проговорила Зоуи, она не хотела спорить с Грэммом, вчера он ударил её за непослушание.

– Да, Грэмм, – добавила я, – если он выздоровеет, то сможет рассказать, что случилось там...

– Заткнитесь! – рявкнул Грэмм. – Я сам решу, что с ним делать! Всем спать, недоноски!

Незнакомец стонал и что-то бормотал, мы уложили его на кровать Ромми. Сержант был ранен и твердил, что не заражён.

Мы с Зоуи ждали, когда заснёт Грэмм, и тихо наблюдали за раненым. Лампочка под потолком тускло мерцала. Верзила санитар захрапел. Я смочила тряпку и протёрла лицо солдату. Доктор Мартин нашла в его рюкзаке аптечку, там были разные лекарства. Зоуи отыскала антибиотики и сделала инъекцию солдату.

– Жара у него вроде нет, – я потрогала ему лоб, наблюдая за действиями Зоуи. – О каком заражении он говорил?

– Пока не понимаю.

Когда все проснулись, Грэмм увеличил обороты генератора, лампочка загорелась ярче, и Зоуи смогла внимательно осмотреть раненого. Она увидела кровь на броннике и попыталась снять его. Солдат застонал и открыл глаза.

– Давай, Зоуи, я помогу тебе, – Ромми расстегнул ему бронезилет.

– У него осколочное ранение. – Доктор Мартин приподняла сержанта. – Осколок попал под бронник, в районе груди, и, кажется, вышел чуть ниже подмышечной впадины, – она слегка надавила пальцами на рану. – Но это не смертельно. Самое главное, чтобы не было заражения. У него есть дезинфицирующее средство, обработаю раны и сделаю перевязку.

– Сначала пусть расскажет, что происходит наверху! – недовольно бросил вошедший Грэмм.

– Он сейчас без сознания, ему требуется хотя бы пара дней, тогда парень сможет нам рассказать, что там происходит, – тихо ответила доктор Мартин.

Грэмм, сжав губы, махнул рукой и выругался.

«Надеюсь, этот солдат не принёс сюда заражённый воздух, – размышляла я, – и, Господи, он поможет нам выбраться».

Несколько дней тянулись мучительно долго. Мы ухаживали за раненым, который ненадолго приходил в себя и был ещё слаб.

– Сейчас выходить на поверхность опасно, – подал голос солдат на третий день. Мы столпились вокруг, а Ромми позвал остальных. – Атака началась внезапно, и кто противник, неизвестно. Потом начался ливень, нам сообщили, что он и принёс инфекцию. Только слишком поздно, не все это сразу поняли. Дождь так же быстро закончился, как и начался. Когда меня ранило, я был в здании больницы. С людьми происходило странное, мокрые они вбегали внутрь. Падали и корчились, словно с неба лилась кислота. Поэтому я не решился выходить наружу. Умирили они долго, как будто задыхались, харкали кровью, а потом бились в судорогах. – Он говорил медленно, делая длинные паузы. – Не знаю, что это было. Последний раз вышел на связь, и командир штаба сообщил, чтобы я ждал эвакуацию. Никто не появился, и мне пришлось, посмотрев план здания, искать вентиляционную шахту. Я подумал, что в бомбоубежище есть люди... и не ошибся, – солдат взглянул на Грэмма, потом в сторону Зоуи. – Здесь в аптечке кое-что есть для перевязки, лекарства.

– Я всё нашла и уже обработала раны. Ты уверен, что не заражён, раз говоришь, что смерть пришла с неба, с дождём? – спросила Зоуи.

Он замолчал, не зная, что сказать, а потом сжал пальцы:

– Я не стал бы вас подвергать опасности. После ранения прошло около сорока восьми часов. Сколько я был в отключке?

– Трое суток, – ответил Грэм, скрестив руки на груди.

– Думаю, симптомы бы дали о себе знать.

– Хорошо, если ты говоришь правду, – усмехнулся хозяин подвала. Он вытащил пистолет и склонился над сержантом.

– Хорошая пушка, – кивнул Грэмму раненый. – В подвале опасная штука. Рикошет, как поцелуй Бога.

Грэмм хрипло рассмеялся, поцеловав дуло пистолета, а потом направил его в сторону бойца.

– И сколько этот вирус будет жить?

– Я не знаю. Возможно, неделю, а может, и месяц.

Мне показалось, что у Грэма какой-то интерес к бойцу, и надеялась, что он не станет убивать его. Появление солдата, как свет в конце тоннеля. Мы с Зоуи надеялись, что парню вскоре станет лучше. Только с его помощью мы могли выбраться на свободу.

Я обняла дочку, скрывшись в тёмном углу. Тусклый свет освещал середину комнаты, где собрались жители подземелья.

С начала бомбёжки прошло три недели. Как-то в нашу комнату вошёл Кайл, его пошатывало, глаза стали мутными, а руки дрожали, он поднёс бутылку с водой к губам и криво улыбнулся:

– Кроме Ромми, здесь ещё есть пациенты? – он мотнул головой в сторону старика. – Они могут стать опасными.

Мы переглянулись с Зоуи, но промолчали, Кайл рассмеялся, а потом бросил пустую бутылку в сторону Ромми. Негр сжался, но не стал ничего отвечать несчастному парню. Это место ломало всех, кого-то быстрее, а кто-то цеплялся за жизнь. Наверное, мне было в чём-то легче, я жила ради дочери. И именно Кэрри давала силы не сдаваться, а думать, как не погибнуть в грязном подвале, как выбраться наружу.

– Знаешь, Молли, – поделилась догадками Зоуи, – вода скоро закончится, нам и так уже не хватает припасов. Во всяком случае, так говорит Грэм. Это место пропахло не только нечистотами и смертью, здесь зарождается безумие.

Нет ничего хуже сумасшествия, которое пробуждается в мыслях человека. Оно опасное, непредсказуемое, словно внезапное цунами, а безнаказанность развязывает руки даже тем, кто вчера был твоим другом. «Психи снаружи, они бродят там, озлобленные и голодные, – меня передёрнуло от того, что я представила, – они могут добраться до мамы». На глаза набегали слёзы, но я проглотила комок в горле, бросив взгляд на сержанта. – «Что, если в этом бункере мы все сойдём с ума? Если этот день и наступит, мы уже не заметим разницы, кто вчера был нормальным, а кто слетел с катушек»!

– Не всё потеряно, этот военный справится с ним.

– Ты хочешь открыть двери и выбраться? – спросила я, посмотрев в сторону Зоуи, прижимая к себе Кэрри.

Женщина кивнула, бросив взгляд на солдата.

– Он поможет нам. Где-то должна быть армия, нас спасут. Ведь так?

– Нет, девочки, – подслушав разговор, ответил сержант. – Все, кто попали под дождь, мертвы, – произнёс он

– А что это за инфекция? – поинтересовалась Зоуи, уверенная, что вояка рассказал не всё.

– Теперь все станут зомби? – вдруг спросила Кэрри. Я, удивлённо взглянув на неё, грустно улыбнулась.

– Я не видел ничего такого, – пожал плечами солдат. – Курить хочется. Я бы только ради этого выбрался. – Он потёр колючий подбородок и посмотрел на нас с Кэрри.

– Как же малышке здесь?

– Мама рядом, и я в безопасности. – Кэрри забралась к нему на колени и обхватила худенькими ручонками шею, что-то прошептала на ухо. Губы мужчины тронула улыбка.

Обхватив себя за плечи, я стояла у стены в полутьме, окидывая взглядом убежище и людей, которые медленно теряли рассудок. Я выучила каждую трещинку этого места, но предсказать действия всякого находившегося здесь было невозможно. Боязнь замкнутого пространства или что-то иное происходит со всеми нами.

Грибок, покрывающий стены, низкий потолок делали это помещение давящим, походившим на склеп, где лежат мертвецы.

Грэмм начинал каждое утро с молитвы, хотя Бог не одобрил бы его поступки. Серый медицинский халат на хозяине подвала сидел как мешок и напоминал рясу священника прихода Сатаны. Покрытый пятнами балахон бывшего санитаря стал напоминанием о прошлой профессии Грэмма, теперь, разглядывая его, я чаще представляла, как должен выглядеть фартук мясника.

Теперь в убежище всё шло по его правилам. Правилам Грэмма. Солдат обещал, что уйдёт, когда ему станет лучше. Мне казалось, он уже давно мог встать на ноги, но словно копил силы, чтобы расправиться с Грэммом, иначе отсюда не выбраться. Зоуи кивала ему, уповая вырваться на свободу.

Закрыв глаза, я отвернулась к стенке. Слышу, как кричит безумный Ромми, подозреваю, что Грэмм делает с ним. Обняв Кэрри, понимаю вдруг, что становлюсь похожей на Линду, которая раньше других отказалась бороться. Мысль, что будет с дочерью, если меня не станет, заставила сжаться пружиной. Я поднялась, поджав колени к животу. Спрашиваю себя, сколько прошло дней. Счёт времени потерян. Зоуи прошептала, что генератор скоро сдохнет.

– Когда погаснет свет, мы похороним себя заживо, только уже по-настоящему, – проговорила она.

Иногда бесило, почему этот военный не вмешивается в разборки Грэмма. Мерзавец запер четверых в душевой, сообщив, что от них мало толку. Это решение он принял единолично, и мы боялись спорить с ним. Линда тихо сходила с ума, как и Кайл. Безобидный старик Ромми, рассказывающий сказки, в чём провинился перед ним? Женщина, не назвавшая своего имени, высохла, как мумия, и просто лежала целыми днями, даже не вставая в туалет. Оправлять естественные надобности приходилось в душевой, где всё равно никто не мог искупаться, вода в трубах давно закончилась. Люди походили на тени, и я знала, что за запертой дверью их ждёт смерть.

Изгои не сопротивлялись и не пытались выбраться, они тихо умирали. С жалостью представляю, как Линда подходит к крану и пытается потрескавшимися губами вытянуть хоть каплю воды. Как Ромми гладит её по спутанным волосам. Несколько дней из душевой доносилось его тихое пение. Мы перебрались в большую комнату, чтобы прежнее обиталище стало туалетом. «Боже, неужели я могла раньше представить, что привыкну к этой дикости, к вони, грязи и прочему, что происходит здесь»!

– Грэмм, мы пока ещё люди, и нельзя так поступать с ними, – выразила я протест. В моём голосе не было вызова, но великан расценил это по-своему, лишив меня суточной нормы еды и велел отправиться с ним в его комнату. Я не сопротивлялась, боясь, что он выместит злобу на Кэрри. Грэмму нравилось, когда ему подчинялись.

Голод уже не так мучил, теперь я понимала, что в нашем положении смерть будет страшная. Сначала радуешься, что тебе удалось спастись, не жалуясь на жуткие условия. Потом, когда душевая становится склепом для обречённых, а не местом, где можно смыть с себя грязь, ты снова говоришь себе, главное мы прожили ещё один день, важно, что Кэрри здорова. Когда

еды почти нет, сил остаётся только лежать на жёстком топчане, пропахшем ужасом и болью, и тихо радоваться, что твой ребёнок рядом, что он жив.

Теперь нас пятеро – я, Кэрри, Зоуи, солдат, который не назвал имени.

– Почему нас так мало? – спрашиваю я. Вижу сидящего около двери Грэмма. Он сцепил пальцы на животе и мутным взглядом рассматривает оставшихся заложников подвала. «Почему? – простой вопрос больно застучал в голове. Я коснулась лба. – У меня жар. Или это просто кажется?».

– Они в душевой, – тихо проговорила Зоуи. – Разве ты не помнишь, что он сделал с ними? Грэмм сказал, что они мусор, и не хочет, чтобы мы делились пищей с ущербными.

– Что?! – меня пробрала дрожь, и в то же время гнев начал растекаться по жилам, как раскалённый металл. – А как же раненый солдат?

– Ему хватило ума не связываться с ним. Этот боец – наша последняя надежда, – прошептала Зоуи. – Он выжидает, набирается сил.

Я взглянула на неё и не узнала. Тридцатилетняя женщина превратилась в старуху. Под глазами залегли тени, скулы теперь стали резко очерченными, губы потрескались, голос хриплый, дрожащий. Боже, зачем умирать здесь, точно мы приговорены к пытке голодом и унижениями? Это размышление пришло внезапно, хотя я уже допускала мысль о побеге. «Бежать от чего и куда? – спрашивал внутренний голос. – Бежать от смерти в неизвестность, чтобы найти ещё более жуткую смерть. Почему солдат ждёт, почему он не убьёт Грэмма, который жесток ко всем нам?»

– Мама, я хочу кушать. – Голос Кэрри заставил задуматься, что пора действовать. Сейчас мы ждали. Каждый своей смерти, а не спасения, чтобы потом стать пищей для тех, кто выживет. Я была уверена – так и будет. И эти гниющие тела в душевой приготовлены для «вожака», который давно потерял рассудок.

Ночь или день отмечались желанием уснуть или проснуться. Чаще всего нам хотелось спать, наверное, от истощения. Мы не сражались, перестали просить Бога помочь нам. Страх сменялся отчаянием, смирением, которое расписалось в собственной беспомощности и неспособности самостоятельно принимать решения. Моя дочь, только благодаря ей я находила силы думать иначе и решать, как поступать, потому что у всех нас не оставалось выбора.

– Как тебя всё-таки зовут? – тихо спросила я солдата. – И что с твоей раной, ты сможешь выбраться отсюда?

– Да, – кивнул он, не ответив на первый вопрос. Провёл пальцами по стриженной макушке. Сержант и я, похоже, ровесники, ему тоже тридцать с небольшим, только волосы у него почти все седые. – Я ждал, когда ты спросишь. Вы со мной? Пора убираться.

Его ответ удивил и показался неожиданным.

– Как? Ключ от подвала у Грэмма.

– Это не твоя забота.

Такая перемена заставила ненадолго воспрянуть духом. Перед глазами появлялись картины, как солдат расправляется с Грэммом, и разные варианты исхода битвы. Что это – обострившееся восприятие реальности или надежда, что мы избавимся от тирана? Я знала, что просто так ничего не выйдет, а ещё мне очень хотелось открыть дверь душевой и надеяться, что кто-то остался в живых. Надежда то слабела, то вспыхивала вновь, как и теперь, после слов солдата.

Грэмм чувствовал, что-то назревает. Он сидел на стуле, и теперь казался высоким и тощим, похожим на восковую куклу. Душный воздух плотным одеялом укутывал мысли. Боец не спал, он наблюдал за Грэммом. Он знал, что тот вряд ли окажет сопротивление. «Почему у военного нет оружия?» – спрашивала себя не в первый раз.

Зоуи обняла меня, сидя на кровати, я взглянула на дверь душевой, заметив, как из-под неё натекла тёмная лужа. В полумраке сложно разобрать, кровь это или что-то другое. «Ну конечно, кровь, что ещё может быть, или тела настолько разложились. Чёрт, зачем я думаю об этом?» – отругала себя. Видения и страхи с каждым днём усиливались. Мысли, что дверь в душевую откроется, и оттуда вывалятся запёртые мертвецы, начала преследовать, становясь паранойей.

Внезапные грохот и сдавленный крик Грэмма заставили меня сжаться, обхватить Кэрри. Руки Зоуи, холодные, липкие, стиснули мне плечи. Трое, мы стали одним целым, слившись одним объятием друг с другом, словно спрятавшись от происходящего в подвале. Солдат почти справился с поверженным королём убежища. Я закрыла дочери лицо, не желая, чтобы она смотрела, как убивают человека. Потом, возможно, она увидит не один раз подобные сцены, возможно, они станут более жестокими. Сейчас же я не хотела, чтобы Кэрри смотрела.

Ноги Грэмма дрыгались в беззвучном танце. Я не видела его лица из-за спины солдата, который, взяв в захват шею чудовища, сдавил её и не отпускал. Поднялась с кровати, Зоуи попыталась задержать меня. Не знаю, что вело к умирающему негодю – любопытство или желание убедиться, что Грэмм испустил дух.

Его глаза словно вылезли из орбит, посиневший язык выглядывал из полураскрытого рта, а из уголков губ стекала слюна. Сержант отбросил его от себя, обыскал, вытаскивая из-под грязной униформы пистолет и ключи от двери. Грэмм скорчился в неестественной позе, на когда-то светлых брюках расползлось пятно.

– Уходим, – боец бросил мне связку ключей. – Забери остатки провизии.

Я кивнула, взглянула на Зоуи и направилась в кладовку.

– Эта сволочь обманывал нас?! – завопила я, сбрасывая с полок металлические банки. – Смотрите, Зоуи, Кэрри, тут ещё столько еды!

Солдат медленно вошёл следом и, сжав губы, покачал головой:

– Тут хватило бы надолго. Забирайте, сколько сможете.

Больше всего провизии поместилось в вещевом мешке бойца. Вместе с Зоуи мы стали осматривать комнату, отыскав два рюкзака. В небольшую сумку я сложила воду, Кэрри настаивала, что ей под силу нести несколько бутылок. Ей всего восемь, но за последние недели она повзрослела. Детство осталось в прошлом, там, где война не проехала болью, криками и смертями, навсегда изранив детскую душу.

– Наверху точно безопасно? – спросила я, прижимая к себе Кэрри.

– Я не знаю, – солдат, нахмурившись, взглянул на меня. – Там у нас есть шанс, и он выше, чем в этом подвале.

– А что если там бродят зомби? – спросила Кэрри. – Ты же защитишь нас?

– Конечно, малышка, – улыбнулся солдат, погладив девочку по голове.

– Но у тебя всего один пистолет, солдат.

– Меня зовут Макс, – он повернул ключ в замке и, сжимая пистолет в руке, толкнул дверь. «Макс, – решила я про себя. – Всё будет хорошо, если мы будем с ним».

Свежий воздух ударил в лицо. Свет вверху лестницы и тишина. Словно нас никто не мог преследовать или поджидать у выхода.

Ворчание генератора в подвале затихло, лампочка моргнула и погасла. Оставив ключ в замке, Зоуи закрыла дверь. Макс первым осторожно начал подниматься по ступеням. Меня удивляло, что не пахнет гарью, я спрашивала себя, сколько прошло недель, ведь в убежище время текло иначе.

Кэрри сжала мне руку, холодные пальцы с обкусанными ногтями впились в ладонь.

– Не бойся, – шепнула я, пропуская вперёд Зоуи.

Нас встретило безмолвие и тела. Мёртвые тела повсюду.

– Это напоминает какую-то инфекцию, – Зоуи инстинктивно закрыла рот и нос рукой. – Если вирус в воздухе, нас может спасти только чудо.

– Что ты имеешь в виду? – бросила я.

– Если у кого-то из нас иммунитет к этой болезни, тот выживет, но не стоит питать иллюзий, – она серьёзно взглянула на меня. – Нам неизвестно, что произошло. И находиться здесь – риск. Нам неведомо, что это за вирус.

Макс подошёл к одному из мёртвых бойцов, носком ботинка перевернул его на спину, вытащив полные обоймы из жилета. В уголках рта покойника – запёкшаяся кровь. Солдат осмотрел его беглым взглядом, отметив, что не пули убили безымянного сержанта. Отцепил от его пояса рацию.

– Трупы свежие, эти люди погибли пару дней назад. – Один пистолет он сунул в кобуру на пояс, второй – на бедре. Ещё один протянул мне. – Держи, теперь вам придётся тоже защищаться.

Я взяла пистолет в руки, ощущая его тяжесть, его силу убивать и делать тебя сильнее. Сильнее, если ты можешь выстрелить вопреки страху и пониманию, что людей убивать нельзя.

Липкие застывшие лужи крови, чёрные подтёки на скорчившихся в гримасах лицах мертвецов. Некоторые трупы вздулись на солнце, привлекая мух.

Макс подбирал оружие и боеприпасы, жалея, что нельзя взять больше, и, проверяя обоймы, складывал их в рюкзак.

– Мне надо отыскать маму, – я посмотрела на товарищей, – вдруг она жива...

Вместо ответа Макс покачал головой, а Зоуи обняла меня и прошептала:

– Здесь находится опасно, если кто-то из сумасшедших выжил, они могут напасть на нас. Мне больно говорить тебе, но мамы, наверное, уже нет... В живых...

Сейчас я поняла, что до конца так и не смирилась с потерей, я всё ещё верила, что могу спасти её.

– Куда теперь? – спросила я, заметив, как Кэрри поднимает с земли пыльную мягкую игрушку.

Раньше я обязательно отругала бы её, но теперь почему-то промолчала.

Макс вытащил карту, попытался связаться со штабом по рации. Ему ответило гробовое молчание.

– Неужели все мертвы? – удручённо проговорил он.

– Кто-то же должен остаться в живых? – спросила я.

– Наверное, в этом месте из живых никого, кроме нас, и как долго мы протянем, не знаю.

Я не стала задавать вопросов, зная, что солдат приведёт нас в безопасное место. Мы верили ему, потому что больше надеяться было не на кого. Вокруг последствия катастрофы, а как иначе назвать произошедшие события. Дороги, забитые машинами, тут и там трупы людей и животных, птиц. В воздухе витал сладковатый запах разлагающейся плоти. В живых остались только мухи, которые с жадностью въедались в тела мертвецов, откладывали в рыхлую плоть личинки. Мне это напомнило возделывание земли, когда фермер сажает картофель в удобренную почву.

Макс вытащил из рюкзака бандану и протянул мне, чтобы я закрыла лицо Кэрри. Девочка стойко выносила долгий путь, не просила есть или пить. Пока мы находились в зоне поражения, аппетита не появилось ни у кого. Однако, когда мы выбрались к лесу, воздух стал чище. Устроив небольшой привал, Макс, разведя костёр, разогрел банки с тушёнкой. Поев, мы двинулись дальше, следуя за ним.

К вечеру у Зоуи начался озноб. Макс, нахмурившись, порылся в аптечке, лекарств оставалось мало, и в его глазах появилась безнадежность, я видела это, пусть он и не говорил ничего. Ночью лихорадка заставляла Зоуи трястись, точно через неё всякий раз проходил электриче-

ский ток. Испарина покрывала лоб и грудь женщины, облегчения не приходило даже после лошадиной дозы жаропонижающего средства.

– Это инфекция, – тихо сказал Макс, глядя на спящую Кэрри. – Ты – мать и должна понимать, что каждый из нас в опасности.

– Я могу надеяться на тебя, Макс, если со мной что случится? – спросила я, сжав ему руку.

Солдат опустил глаза и повернулся в сторону Кэрри. Вздохнул устало, и я поняла, что он не бросит девочку и на него можно положиться.

– Я не оставляю её, – кивнул Макс.

Сон не хотел приходиться, дорога утомила, но больше угнетали мысли. Страх, что я тоже заболею, как Зоуи, заставил кожу покрыться мурашками. Я говорила себе, что должна быть сильной и нельзя сдаваться. Зоуи дышала тяжело, хрипела, словно в её горле что-то застряло. «Что, если она умрёт, – вдруг пронеслось в голове, – что, если мы все погибнем, и Кэрри останется одна?»

Утро принесло плохие вести. Зоуи умерла. В лесу стояла удивительная тишина, будто здесь не было ни одной птицы. Земля в этом месте рыхлая, и нам удалось быстро выкопать могилу. Никто не плакал. Мы приготовились к потерям.

Ничто не предвещало беды, хвойный лес, освещённый солнечными лучами, хранил теплоту и какую-то девственность этого места. Земля, усыпанная пожелтевшими иголками, сквозь которые тянулись к солнцу лесные гвоздики, папоротники и кустарники черники. Кэрри попыталась сорвать манящие спелые ягоды, Макс же резко остановил её.

– После дождя неизвестно, можно их есть или это станет смертельным. Иди лучше ко мне на плечи.

Наконец, за последние недели, на лице дочери я увидела улыбку. Я знала, что серая маска уныния была некоей защитой. Подвал стал для Кэрри домом чудовища, которое ждало часа, чтобы расправиться с жертвами.

На следующее утро я поняла, что инфекция началась и у меня, к счастью Кэрри и Макс чувствовали себя хорошо. Вспомнились слова Зоуи об иммунитете к вирусу. Начинаясь болезнь напоминала грипп – ломота в теле, слабость, повышенная температура. Я не сразу стала говорить Макс и Кэрри, что тоже больна. Аппетит исчез, на привале я отказалась от еды, и Макс понял, смертельная зараза настигла и меня.

– Прости, – почему-то сказала я. Хотела взять его за руку, но что-то заставило меня передумать. – Оставьте меня здесь, я все равно умру.

– Мамочка, – глаза Кэрри наполнились слезами. – Скажи, что это неправда. Ведь ты не умрёшь?

Дочка кинулась мне на шею, и солдат не успел оттащить её.

– Кэрри, я могу заразить тебя, – заплакала я, – а ты... Ты должна жить.

В груди боль разразилась тяжёлым кашлем. Я оттолкнула дочку и согнулась пополам, закрывая ладонью рот. Алые капли крови я не стала показывать никому, вытирая руку о штанины джинсов.

– Идём, мне уже лучше, – попыталась улыбнуться я. – Мало ли, это просто простуда. Так бывает, – я подмигнула Кэрри, понимая, что, возможно, следующий рассвет может стать для меня последним.

Ночь прошла в бреду, я то уходила во мрак, то возвращалась. Ощущая на лице прохладную тряпку, которая казалась самым прекрасным, освежающим в эти часы. Я хотела жить! И не хотела оставить дочь. Судьба, или как назвать злой рок, считали иначе. На следующий день мне стало хуже. Теперь я не могла идти, Макс, сложив еловые ветви, соорудил подобие лежака, развёл костёр, так как мне всё время было холодно.

Дышать сложно, тем более из лекарств почти ничего не оставалось. Макс рассказывал о чём-то, но понимала его плохо, слыша обрывки слов. Головная боль превратилась в огнедышащий вулкан. Видения из проклятого подвала вернулись и терзали меня – смех Грэма, крики умирающего Ромми, плач Линды и стоны Кайла. Заставляя много пить и глотать оставшиеся таблетки, солдат делал свою работу, а я не думала уже ни о чём, превратившись в сосуд, наполненный болью.

– Мама, смотри, как красиво, – голос Кэрри разбудил меня. Я открыла глаза, впервые ощутив лёгкость в теле. «Неужели, – пронеслось в голове, – жар, кажется, спал, ушла головная боль».

Я посмотрела на розовую полосу в небе. Рассвет расчертил облака словно кистью, густо сдобрив белое кружево небесной синевы алой зарёй. Клюквенный сироп на взбитых сливках стал тусклым, как только солнце поднялось выше. Я искала глазами Макса. «Неужели он оставил нас? Нет, он не поступил бы так».

– Кэрри, как ты себя чувствуешь?

– Всё хорошо, мамочка. – Дочка грустно улыбнулась и обняла меня. В руках та же грязная игрушка, напоминающая то ли зайца, то ли собаку.

– А где Макс?

На мой вопрос она удивлённо приподняла бровки:

– Так вот же он. Перед тобой.

Тревога подкралась тихими шагами. Почему я не вижу его? Почему перед глазами только Кэрри? Он вернётся, он обязательно придёт.

* * *

– Это ничего, Кэрри, – успокаивал солдат девочку. – Я позабочусь о тебе. Я обещал твоей маме.

– Но она же выздоровела?! – не унималась малышка, размазывая слёзы по грязным щекам. Всхлипывала и задыхалась от плача. – Мы тоже умрём?!

– Нет, милая. У нас иммунитет к болезни. Помнишь, доктор Зоуи говорила?

– Нет... – снова заплакала девочка, ударив мужчину кулачками в грудь. – Нет, мы все умрём! Как Зоуи, как мама!

Макс хотел сказать, что перед смертью человеку может стать лучше, но не стал говорить ничего. За этот месяц восьмилетняя Кэрри слишком часто видела смерть. Так часто, что и не каждый взрослый выдержит. «Всё пройдёт, она сильная. Такая же, как...» – солдат вдруг понял, что не может вспомнить имя матери Кэрри.

– Кэрри, как звали твою маму? – спросил Макс.

Захлебываясь слезами, девочка ничего не могла произнести внятно. Солдат соорудил крест на холмике. Вырезав табличку, спросил снова, как имя матери.

– Мне надо знать, какая у тебя фамилия, – грустно улыбнулся он. – Мало ли что, или я буду говорить всем, что ты моя дочка?

Кэрри перестала плакать и вдруг бросилась к Максиму на шею, прошептав на ухо:

– Мою маму звали Молли, Молли Хейс. Она самая лучшая мама на свете! Но если ты будешь моим папой, то тоже станешь самым лучшим.

Горячий порыв девочки тронул сердце солдата, он сжал Кэрри в объятиях, ощущая, как комок подкатывает к горлу:

– Конечно, я стану самым лучшим папой на свете.

Выйдя на возвышенность, солдат и маленькая девочка, сжимающая в руках плюшевую игрушку, увидели развороченную железную дорогу. Впереди сошедший с рельс скоростной

поезд, напоминающий поверженное чудовище, лежал на боку с разорванным брюхом. На разбитой автомобильной трассе – перевернутый автомобиль, словно раненый гигантский жук, не сумевший подняться на лапы. Тела, занесённые пылью, и серая трава, покрытая сажей.

Вдали виднелся горящий мегаполис. Огонь сожрал большую его часть, и пламя не выпускало из жарких объятий охваченный пожаром деловой центр. Обуглившиеся макушки небоскрёбов смотрели в небо, которое стало серым. Копоть и дым окрасили городской пейзаж в чёрно-белые тона. Красные всполохи яркими мазками вырывались из серых зданий, делая картину похожей на сюрреалистический пейзаж.

Кэрри сделала несколько шагов вперёд. Макс остановился и наблюдал за девочкой. Ему не хотелось идти в мрачные руины некогда сверкающего стёклами, металлом и рекламой мегаполиса.

Внезапный порыв ветра принёс запах гари, Кэрри обернулась и побежала к Максиму, бросив мягкую игрушку. Он подхватил девочку на руки, прижимая к груди. Теперь им предстоял сложный путь. Хотя Кэрри сделала выбор, доверчиво прижимаясь к груди сурового мужчины, сердце которого дрогнуло. Он всегда был готов защищать слабых.

– Не беспокойся, малышка. Я научу тебя не бояться и стать сильной.

– Хорошо, Макс, я верю тебе.

Анастасия Венецианова

Автор текста не намерен нарушать авторские права обладателя иллюстрации

ПАРАЛЛЕЛЬ

Закатное солнце золотой рекой струилось с небес, кутая городские небоскрёбы в блестящую мантию. Стёкла высоток отбрасывали множество бликов, выкладывая из серебристой мозаики причудливые узоры на мостовых. Среди этого великолепия то тут, то там вспыхивали изумрудными отблесками парки города.

Но Том не мог видеть всей этой красоты из окна маленькой комнатки в старой квартире. Дом, где он жил, располагался в полуразрушенных трущобах на окраине города. Сюда пробрались только тонкие блёклые ниточки света, а в тусклых стёклах серело небо. Или эта серость плыла перед глазами из-за слёз, текущих потоком? Да, Том плакал. Это совсем не украшало его, как будущего мужчину, но на душе у подростка становилось легче.

Четырнадцать лет... Время, когда все ребята хвастаются друг перед другом своими достижениями, победами, умениями. И каждый из них говорит: «Меня этому научил отец!» Том старался не ввязываться в склоки, но тщеславные одноклассники каждый раз норовили поддеть его. «Хиляк! Маменькин сынок! Безотцовщина!» – обзывательства и унижения лились на Тома, словно грязь из помойного ведра.

А в этот день он ещё и подрался. Не выдержал больше нападков, бездумно кинулся на толпу обидчиков, словно волчонок. Его повалили на землю и жестоко избили. Домой парень добрался еле-еле, прячась по подворотням и скрывая разбитый нос за капюшоном разорванной куртки.

Матери дома не оказалось. Видно, ушла снова по своим делам. Но это и к лучшему – понимания между ними никогда не было.

Из кухни раздавался звон и тихий голос – бабушка мыла посуду и напевала. Том удивлялся её жизнелюбию и необъятной радости. Всю свою жизнь она прожила здесь, в тесной квартирке не самого благополучного района, и чего только не повидала в своей жизни, при этом всегда оставаясь всё такой же весёлой. Том уважал эту сильную женщину с ласковым взглядом голубых глаз и гордился, что у него есть такая бабушка. Однако сейчас он не хотел, чтобы его кто-то видел, тем более любимая бабуля.

Проскользнув в комнату, юноша запер дверь на щеколду и повалился на кровать прямо в одежде. Слёзы, катившиеся из глаз, смешивались с кровью и текли на подушку, пачкая наволочку.

Том не заметил, как уснул. Разбудил его настойчивый стук в дверь и обеспокоенный голос бабушки. Нехотя парень встал с кровати, мимоходом подумав, что ему достанется от матери за перепачканную постель.

– Том, у тебя что-то случилось? Вот уже час, как ты не выходишь... – старушка замерла у порога. – Том, что с тобой?

В голубых глазах не было страха, жалости и тем более злости, только желание помочь.

– Я не сдержался, – юноша опустил на стул. – Не смог больше молчать, – он непроизвольно сжимал кулаки, стараясь унять разгоревшееся от воспоминаний негодование. – Разве я виноват, что мой отец бросил нас? – выкрикнул парень в лицо женщине.

Слёзы снова полились рекой, заныл распухший нос. Но боль теперь перекрывало отчаяние и злость.

– Идём-ка на кухню, – бабушка мягко приобняла Тома. – Нам есть о чём поговорить.

Старушка шустро собрала с кровати постельное бельё и вышла из комнаты.

Когда Том, немного успокоившись, вошёл на кухню, на столе уже стояли две чашки с ароматным чаем и его любимое малиновое варенье.

– Присядь, надо обработать раны, – бабуля тепло улыбнулась, но в её глазах застыло неясное чувство – то ли огорчение, то ли разочарование.

Перекинь водорода нещадно обжигала ссадину на переносице, но Том мужественно терпел. Хватит слёз! Они ничего не решают. Только приносят из глубины души дурные чувства, как море, выталкивающее мусор из своих недр.

– Я обидел тебя? – юноша виновато взглянул на бабушку.

Она ничего не ответила, вздохнула, убрала аптечку и присела за стол рядом с внуком.

– Твой отец не бросал вас, – произнесла, глядя в глубину чашки. – Ему пришлось оставить этот мир...

– Он умер?

– Я не знаю, жив ли он теперь...

– Бабушка, расскажи мне! Я хочу всё знать.

Женщина вновь вздохнула, помолчала, словно раздумывая.

– Об этом нельзя говорить вот так... Но... Ты должен знать, – теперь родные глаза смотрели на Тома, казалось, заглядывали прямо в его душу.

Юноша затаил дыхание.

– Ты помнишь дедушку Питера?

– Конечно, он был такой весельчак, – парень улыбнулся.

– Да, весельчак и мечтатель. Наш сын вырос точной его копией...

Старушка вздохнула, сделала глоток из чашки.

– В то время Питер и твой отец вместе работали в одной компании. В стране был кризис, мест не хватало. Мойщики стёкол – не самая престижная работа, – бабушка горько усмехнулась, – но ни твой отец, ни твой дед не брезговали таким заработком. И вот однажды им поступил заказ вымыть окна на самом высоком здании Нью-Йорка. Когда работа была закончена, Питер предложил ещё раз подняться на самый верх и с крыши здания полюбоваться окрестностями города. Твой отец не возражал – когда ещё сможешь увидеть Нью-Йорк с высоты птичьего полёта?

Закат казался невероятно красивым! Океан, пропитанный солнцем, отражал в воде его золотые лучи. Город лежал перед ними, как на ладони. И в этот момент твой отец заметил воздушный шар. Сначала мужчины подумали, что он небольшого размера, но потом увидели, что тот парит очень высоко.

«Кто же рискнул так высоко подняться? – изумился твой отец. – Похоже, он летит даже выше самолёта!

– Интересно, что потерял аэронавт на такой высоте? – некоторое время они наблюдали за полётом, потом отец слегка дёрнул сына за рукав: – Идём уже, нас ждут дома.

– Иди, отец, я сейчас».

Выходя из здания, Питер увидел скользящую по мостовой огромную тень. Подняв голову, он изумлённо ахнул – воздушный шар завис возле крыши небоскрёба. Удивительным было то, что люди вокруг вели себя так, словно каждый день видели швартующиеся к высоткам аэростаты. Твой дедушка бросился обратно. Когда он вышел из двери, ведущей на крышу, то увидел, что сын разговаривает с каким-то седовласым человеком. Питер спрятался за трубу и прислушался.

«Значит, ты хочешь увидеть, что там за облаками? Хочешь посмотреть на наш мир? – голос незнакомца звучал плавно. – И... Хочешь управлять воздушным шаром?

– Да! Очень хочу!»

Глаза твоего отца горели диким огнём.

«Хорошо. Но если ты полетишь с нами, то сюда уже не вернёшься. Ты согласен?»

Питер хотел подбежать к сыну, отговорить его от неразумного решения, но, пока он подбирал нужные слова, чтобы отговорить сына от неразумного решения, щёлкнула дверца гондолы и раздалось шипение форсунок. Твой дедушка выскочил из укрытия, но на крыше уже

никого не было. На площадке лежало оставленное сыном снаряжение и записка, чёркнутая второпях.

Том слушал рассказ бабушки приоткрыв рот. Такие приключения казались невероятными.

– Вот... – женщина протянула небольшой тетрадный листок.

«Отец, прости меня, но я давно мечтал о путешествиях. В нашем мире с нашими деньгами это вряд ли возможно... Кажется, судьба подарила мне шанс увидеть другую вселенную».

Утром твоего дедушку нашли на крыше небоскрёба без сознания. Он долго болел, тоскуя по сыну, и эту историю рассказал только мне, понимая, что больше ему никто не поверит...

– Но ведь это правда, бабушка? – глаза Тома искрились лучиками любопытства.

– Конечно, правда, дорогой, – мягко улыбнулась старушка.

Хлопнула входная дверь, и из коридора раздался голос матери:

– Том, ты дома? Помоги! Юноша выскочил из кухни, подошёл торопливо.

– Мама, мой отец лётчик, – сказал он полуютвердительно. – Он летает на воздушном шаре!

– Ага, лётчик-залётчик, – усмехнулась Марта, вытащив из пакета бутылку пива. – Это мигом в холодильник поставь, а матери холодненького принеси.

– Заканчивала бы ты пить... – бабушка оперлась о дверной косяк. – А ты не лезь! Это моя жизнь и мой ребёнок! Скажи спасибо, что я не выгнала тебя, когда твой муж коньки отбросил!

– Вообще-то это мой дом, – твёрдо ответила старушка.

– Доля твоего сына по закону принадлежит мне! А тебе недолго куковать осталось.

– Мама! – Том выступил вперёд.

– Что «мама»? – карие, уже чуть захмелевшие глаза Марты воззрились на сына. – А это что? – она схватила юношу за подбородок. – У тебя нос разбит. Ты подрался?

– Я... Упал... – тихо отозвался парень.

– Врать мне вздумал? – рука женщины откинула голову мальчика. – Врать? Мне? Матери своей! – Марта вновь повернулась к старушке. – Это всё из-за тебя! И из-за твоего сынка, который нас бросил! Парень теперь без отца уголовником растёт!

Разразился нешуточный скандал. Кричала в основном мать, а бабушка лишь твёрдо стояла на своём. Том закрылся в своей комнате, хотя ему ужасно хотелось сбежать, но волнение за бабушку не позволяло сделать этого прямо сейчас.

К ночи все звуки в доме затихли. Мать, осушив три бутылки пива, завалилась спать. Бабушка в своей комнате тихо постукивала спицами. Том знал, что вязание помогает ей справиться со всеми переживаниями.

– Бабуль, – парень заглянул в уютную комнатку, освещённую жёлтым светом лампы. – Ты как?

– Ничего, – старушка улыбнулась, – всё в порядке.

– Я зашёл пожелать спокойной ночи.

– Иди, я поцелую тебя, – бабушка протянула руки. – Мой дорогой Том. Спокойной ночи.

Полная луна пыталась пробраться в окно, но плотные шторы мешали её вторжению. Сон не шёл. Том лежал на кровати и вспоминал историю, рассказанную бабушкой. А вдруг и ему повезёт увидеть воздушный шар и улететь из этого мира навсегда? Может, он встретит там отца? Решение далось с трудом – юноша переживал за бабушку. Однако он был уверен, что она поймёт его. И если бы знала, что он задумал, то наверняка поддержала бы. Парень хотел оставить записку, но побоялся, что её обнаружит мать, и тогда его вмиг найдут и вернут домой. Лучше потом. Он обязательно придумает, как дать о себе знать.

Карманных денег было не слишком много, но имеющейся суммы должно было хватить на проезд в автобусе и метро. Прокравшись на кухню, Том завернул в бумажный пакет

несколько бутербродов и сунул в рюкзак бутылку воды. Быстро одевшись, выскользнул из дома ночной тенью.

Проехать в метро не составило труда, но на этом карманные деньги закончились. Оказавшись в центре Нью-Йорка, Том усомнился в своей затее. Где искать здание, с которого город виден как на ладони? Здесь сотни небоскрёбов, какой из них «тот самый»? Вдруг вдалеке что-то сверкнуло. Первые лучи рассветного солнца коснулись окон самого высокого строения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.